

Глубокоуважаемая госпожа ректор, глубокоуважаемые члены Академического совета, уважаемые коллеги, дамы и господа.

Я воспринимаю как большую честь то, что мне было университетом в Шумене присвоено звание почётного доктора. Я считаю это очень высокой наградой, которую я принимаю с большой благодарностью, так как я отдаю себе отчёт в том, что это высшее почётное звание из всех, которое может университет присвоить. Я понял, что я был награждён, кроме прочего, также за свой вклад в изучение истории кирилло-мефодиевской миссии и ее культурной деятельности. Тем больше я ценю то, что мне присвоил его именно ваш Университет имени Епископа Константина Преславского, сотрудники которого достигли в этой области исследования таких знаменательных успехов; что я получил его в университете в Шумене, находящемся недалеко от бывших главных центров первого болгарского государства – Плиски, где хан Борис-Михаил когда-то принял учеников Мефодия, выгнанных из Великой Моравии, и Преслава, где, благодаря поддержке царя Симеона, культурное наследие Константина-Кирилла и его брата Мефодия – письменность на церковнославянском языке – достигло такого необычайного развития. Начало археологических исследований в этих местах связано с именем одного чеха – Карла Шкорпила, которого мы одновременно считаем одним из первых чешских византинистов. Ход исследовательских работ в этих местах стал предметом внимания и восхищения нескольких поколений чешских археологов. Я сам с благодарностью вспоминаю приглашение профессора Тотю Тотева, благодаря которому я мог эти места когда-то посетить в первый раз; результатом моих связей со здешними археологами стала в дальнейшем также небольшая выставка великоморавских украшений, которые мы, вместе с моими моравскими коллегами, благодаря их любезности имели возможность представить в замечательном музее в Великом Преславе. Это произошло шесть лет назад в связи с симпозиумом, который мы здесь, в стенах шуменского университета, организовали вместе с моим другом, профессором

Христо Трендафиловым по случаю годовщины смерти архиепископа Мефодия. Однако этот симпозиум был также лишь одним из этапов в продолжительной традиции сотрудничества чешских славистов, многих из них из нашего Славянского института в Праге, с местными славистами. Я хотел бы напомнить, кроме прочих, хотя бы такие имена, как Венцеслава Бехинёва, Зоэ Гауптова и Эмилия Благова, которые принимали участие в организованных здесь литературоведческих симпозиумах. Большую честь, которую вы мне оказываете присвоением звания почётного доктора, я поэтому принимаю с покорностью, так как воспринимаю ее также как общее признание и высокую оценку сотрудничества чешских палеославистов и византинистов с болгарскими коллегами здесь, в Шумене. Именно с учётом этой традиции я хочу в своём сегодняшнем докладе сосредоточить внимание на одном аспекте болгарско-чешских, или, точнее, болгарско-моравских отношений в прошлом, на том, как спор между папским престолом и константинопольским патриархатом о церковной юрисдикции над Болгарией оказывал влияние на судьбу кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии.

х х х

Самой яркой характеристикой деятельности кирилло-мефодиевской миссии в Моравии было создание славянской письменности и введение богослужения на славянском языке. Это был эпохальный поступок, не имевший себе равных во всей тогдашней Европе. От традиционного представления, что византийские церковные миссии последовательно использовали и в литургии местные языки народов, к которым они были направлены, научная литература уже в основном отказалась. Процесс возникновения национальных литератур, использующих собственные алфавиты вместе с богослужением, совершаемым на местном языке, и у народов, живущих на территории римской империи, как напр. копты в Египте, сирийцы и другие, и у народов за ее пределами, как напр. в Армении или Грузии, происходил в

раннехристианский период поздней античности и был преимущественно результатом естественного, длительного развития домашних культурных традиций, и лишь в исключительных случаях делом отдельных лиц, как напр. армянин Месроп Маштоц. Никогда он, однако, не был результатом официальной политики римского правительства или патриархов в Константинополе. Тем менее императорские правящие круги проводили такую политику в период высшего могущества византийской империи. Ученые как Игорь Шевченко или Дмитрий Оболенский уже много лет назад верно показали, что характерной чертой византийских интеллектуалов этого периода была уверенность в абсолютном превосходстве византийской цивилизации и высокомерное презрение ко всему негреческому. Также византийская церковь была в то время уже полностью и вполне однозначно эллинизированной. Когда были славянские племена, поселившиеся на территории Греции, на рубеже VIII и IX веков вновь подчинены византийской государственной власти, сопровождалась их христианизация также последовательной эллинизацией. Миссионеры, которых патриарх Фотий отправил в шестидесятые годы IX в. в Болгарию, а позже также на Русь, были одни греки, также его преемник Игнатий несколько позже направил в Болгарию греческого архиепископа, а также другие епископы и священники были греки. Нет ни малейшего намёка на то, чтобы они пытались переводить книги на местные языки, тем более совершать на них богослужение.

Идея перевести на славянский язык книги Священного Писания, создать славянскую письменность, опирающуюся на собственный алфавит, и наконец петь литургию на славянском языке, возникла по инициативе самого Константина Философа. Возникает, однако, вопрос, что его к ней привело, откуда она произошла. Основной предпосылкой для её осуществления был, несомненно, факт, что он сам, так же, как и его брат Мефодий, были с детства билингвами, не важно, принимаем ли утверждение, что их мать была славянкой, или просто исходим из факта, что в Салониках того времени был славянский диалект еще

распространённым разговорным языком наряду с господствующим греческим. Константин был, однако, очень талантливым, наверное можно сказать даже гениальным филологом, о чём можно судить по информации о его интересе к семитским языкам, по его рассуждениям о технике перевода, которые находим в т. наз. «кириллическом листке Гильфердинга», но, прежде всего, по его собственной переводческой и творческой деятельности, в которой, как уже было не раз сказано, достиг новый, созданный Константином славянский язык с самого начала такого совершенства, которому последующие поколения авторов, пишущих на нём, лишь с трудом пытались подражать. Интерес к семитским языкам, по-всей вероятности, привёл Константина к более глубокому познанию культуры восточных христианских народов, использующих свой родной язык не только в литературном творчестве, но и в литургии, и это, очевидно, навело его на мысль, применить то же самое также у славян, которые были ему близки ещё в родных Салониках. Кажется правдоподобным, что свою роль здесь сыграли также дискуссии в кружке учеников Фотия, к которым молодой Константин принадлежал. В своих комментариях к первому посланию к Коринфянам святого апостола Павла Фотий занимался вопросом понятности слова, необходимостью давать толкование так, чтобы слушатели не только слышали его, но также правильно понимали. Фотий, естественно, имел в виду только греческий язык, который считал единственным языком, подходящим для выражения всех философских нюансов, языком, избранным Божественным провидением для проповедования Божьего послания. Константин, однако, в своих размышлениях пошёл дальше своего учителя. Пришёл к заключению, что если надо Слово Божье действительно проповедовать языческим варварам, если они должны его понять и принять его послание, то его необходимо проповедовать на понятном им, на их родном языке.

Возможность применить эту идею на практике, а, может быть, вообще формулировать ее, дало ему лишь направление в Моравию.

Константин, воспитанный в книжной культуре и всю жизнь посвятивший изучению книг, считал приобретение книг на языке народа, к которому его направили, необходимой предпосылкой и даже условием успеха своей миссии. Это не было реакцией на мнимый запрос моравского князя, как часто выводится на основе слов его письма, приведенного в четырнадцатой главе Жития Константина. Находящаяся там формулировка выражает скорее собственную культурную программу Константина, чем дословный текст письма Ростислава. Моравскому князю, несомненно не умевшему ни читать, ни писать, ни в коем случае не был нужен человек для создания национальной культуры; ему требовался епископ и учреждение самостоятельной епархии, независимой от франкского епископата. Однако Константин и Мефодий руководствовались идеей, что настоящей самостоятельности может добиться лишь народ, который имеет и творчески развивает свою собственную культуру на своём языке.

Опять же встаёт вопрос, почему император Михаил и патриарх Фотий пошли навстречу требованию Константина и дали согласие на деятельность, которая на территории византийской империи вообще не принималась во внимание и которая не проводилась ни миссиями, направляемыми в соседние области. Здесь нам приходится довольствоваться гипотетическими спекуляциями. Я сам не нахожу другого объяснения, чем то, что Константин и Мефодий были направлены в страну, находящуюся далеко за пределами империи, полностью вне сферы непосредственных византийских властных интересов, и поэтому им был этот новаторский эксперимент, на котором они так настаивали, разрешён. Мы не знаем точно, что было их первоначальным замыслом, каким именно было содержание одобренного полномочия. По данному месту в Житии Константина можно прийти к выводу, что они начали переводить *aparakos*, то есть отрывки из Священного Писания, которые читают при богослужении. Значит это, однако, что они еще в Константинополе задумали

перевести на славянский язык также литургию и остальные богослужебные тексты? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Правда, по данным из Жития Константина (глава пятнадцать) оба брата полностью развернули свою переводческую деятельность лишь в Моравии, где они закончили полный перевод четырёх евангелий и апостольских посланий, и где они перевели литургические тексты, сначала, наверное, по византийскому ритуалу, по которому они совершали богослужение сначала на греческом, потом на славянском языке.

Это, конечно, сталкивалось с сильным сопротивлением западных миссионеров, находившихся в Моравии ещё до их прихода. Биограф Константина говорит, что это были „*latinystii i fręžestii archierei sь irei i ušenicī*“ – то есть восточнофранкские миссионеры, подчинённые Пассаускому епископу, который где-то после 830 г. создал в Моравии миссионерскую организацию во главе с им установленным архипресвитером; «латинские» священники – это, по всей вероятности, были священнослужители из Аквилейского патриархата, которые вместе с баварскими миссионерами принимали участие в христианизации Паннонии после ее захвата войсками Карла Великого и вместе с ними потом приходили на славянские земли на север от Дуная. В приглашении византийской миссии видел моравский князь средство достичь независимости от баварского епископата и добиться самостоятельности своей страны также в церковном отношении. Византийский император, однако, не прислал ему требуемого епископа, а после поражения войсками Людовика Немецкого в августе 864 года пришлось Ростиславу далее терпеть в стране франкских священников во главе с Пассауским архипресвитером. Те не хотели мириться с деятельностью византийских миссионеров. И, несмотря на то, что их нападки были направлены прежде всего против новшества – использования славянского языка при богослужении, настоящей сущностью спора была церковная юрисдикция над Моравией.

Хотя Ростислав своим обращением в Константинополь осуществления своего намерения не добился, деятельность византийских миссионеров он поддерживал и доверил им целый ряд местных учеников, чтобы они выучили их славянской письменности. Мы не знаем, какова была численность группы друзей Константина, которые прибыли с ним и с его братом из Византии в Моравию. Возможно, что их было больше пяти, на что могла бы указывать более поздняя болгарская традиция «седмочисленников», некоторые из них, несомненно, были священниками, однако среди них не было епископа. Сам Константин был лишь священником, а Мефодий даже простым монахом, не *hieromonachos*, монах, посвящённый в духовный сан. Поэтому, несмотря на то, что они несомненно достигли больших успехов и просветили целый ряд местных учеников, не могли никого из них посвятить в священники, которые могли бы по их уходе продолжить их деятельность.

Весной 867 г. поэтому Константин и Мефодий двинулись в их сопровождении в путь из Моравии, чтобы достичь этой цели. Где они собирались её достичь, не совсем ясно. Они сами, по всей вероятности, хотели наконец вернуться на родину, со временем они, бесспорно, поняли, что осуществление намерения Ростислава – установить самостоятельную моравскую церковную провинцию в рамках константинопольского патриархата – не будет возможно. По дороге на юг по старому янтарному пути, по которой они три года назад путешествовали в Моравию, они остановились в городище паннонского князя Коцела (в нынешнем Залаваре), который, по словам автора жития, доверил им пятьдесят местных учеников, чтобы они выучили их по славянским книгам. Несмотря на то, что это числительное, как и другие числовые данные в обоих Житиях, нельзя принимать дословно, их, несомненно, было много, а с такой задачей невозможно было справиться в течение нескольких дней или недель, их пребывание скорее длилось несколько месяцев. Кажется также, что

это событие не было случайным, что это скорее была часть более крупного продуманного замысла, который должен был осуществиться на основе сотрудничества обоих славянских правителей – Ростислава и Коцела. В этот момент, однако, вмешался Папа Николай I.

Пока византийские миссионеры развивали свою деятельность в Моравии, папа римский не принимал её во внимание; Моравия была миссионерской областью Пассауского епископа и лишь от него зависело, каковы будут условия в его епархии. Однако когда братья из Салоник расширили свою деятельность также в Паннонию и начали вводить новшество и там, Николай I считал это угрозой своим собственным интересам. Летом 867 г. его споры с патриархом Фотием завершились взаимным отлучением от церкви. Несмотря на то, в чём они обвиняли друг друга, сущностью этого спора были притязания папского престола на церковную юрисдикцию над Иллириком, которую Византия отказывалась признать. В конце 866 г. болгарский хан Борис-Михаил, принявший лишь за год до этого крещение из Византии, подчинился Риму и выгнал греческих священнослужителей из своей страны. Николай направил туда двух своих епископов со священниками и дьяконами и заставил Пассауского епископа Германариха с его миссионерами покинуть эту страну. А сейчас, прямо на болгарской границе, появились новые византийские миссионеры, которые к тому же вводили такое нелепое новшество, как богослужение, совершаемое на местном славянском языке, на который они переводили также книги Священного Писания, и всё это без предварительного согласия папы римского. Поэтому он отправил им письмо, в котором приказал им прийти *ad limina apostolorum* и дать ему отчёт в своей деятельности.

Мы не знаем, где братьев настигло папское приглашение, ещё в Паннонии или только в Венеции, куда они продолжали свой путь. Однако, если они надеялись, что там, или уже раньше в Аквилее, им удастся добиться посвящения в сан их учеников, то они были разочарованы. Местное латинское духовенство резко выступило

против их усилия поднять славянский язык и Константину пришлось свою деятельность упорно отстаивать. Обоим братьям осталась единственная возможность – обратиться в Рим. Возможно, что в их решении сыграл роль также факт, что 23-ьего сентября произошёл в Византии государственный переворот, при котором был убит Михаил III, а патриарх Фотий был на следующий день свергнут и сослан в ссылку. Новый император Василий I отправил своих посланцев с этим известием в Рим лишь 11-ого декабря, то есть, примерно в то время, когда братья покидали Венецию, но не исключено, что известие о таком знаменательном событии могло дойти в Венецию всё таки уже раньше. Венеция была византийским владением и между ней и византийским портом Диррахий поддерживалась регулярная морская связь.

Зато в Риме Константину неожиданно пошли навстречу. Новый папа римский Адриан II, который тем временем заменил скончавшегося Николая I, его переводы на славянский язык одобрил и дал приказ, чтобы богосужение на славянском языке проводилось в четырёх главных римских церквях. Важную роль в этом его решении безусловно сыграл факт, что Константин принёс с собой предполагаемые останки св. Климента, четвёртого римского епископа, которые он обнаружил в Крыму во время своей дипломатической поездки к Хазарам. Это произошло в самом начале 868 г., но в течение всего года в этом деле больше ничего не происходило. Адриан II, наверное, надеялся, что предсавители нового режима в Константинополе будут готовы принять в отношении Болгарии *status quo* и признать римскую церковную юрисдикцию над Иллириком. В этом, однако, ни Василий I, ни вновь возведённый патриарх Игнатий нисколько не собирались отступить и переговоры двух церковных держав затягивались.

Поэтому где-то весной или в начале лета 869 г., то есть уже после смерти Константина, направил Адриан II Мефодия, назначенного апостольским легатом для славянских земель, к Коцелу

вести от его имени переговоры об установлении архиепископства, включающего не только Паннонию, но и – так как его письмо адресовано также Ростиславу и Святополку, который был, по-видимому, удельным князем в Нитре и соправителем Ростислава – моравское государство. Такой акт, конечно, входил, с юридической точки зрения, в папскую компетенцию, но соглашение с правителями, территории которых она касалась, было необходимым. Коцел принял папское предложение с восторгом и отправил к нему Мефодия в сопровождении двадцати вельможей, по некоторым сведениям, с требованием посвятить его в сан епископа «на престол св. Андроника, одного из семидесяти», то есть в Сирмиуме. Биограф приписывает этот запрос самому Коцелу, но это скорее проявление общей тенденции произведения, по которому Мефодий всегда выполнял просьбы или побуждения славянских правителей, всегда, однако, в их пользу.

В действительности этот план, скорее всего, возник в папской канцелярии. Выбор Сирмиума в качестве митрополитского престола был хорошо продуманным. Баварским епископам, предъявляющим требования на Паннонию как на миссионерскую территорию, давали таким образом понять, что здесь идёт речь лишь об обновлении бывшей церковной провинции, которая, несмотря на почти трёхсотлетний период вакантного престола, по каноническому праву никогда не перестала существовать и судьбу которой может решить лишь папа римский. Сирмиум был тогда уже под властью болгар, и поэтому Мефодий никак не мог вступить там в свою должность. Папские отношения с ханом Борисом были тогда, несмотря на сердечные формулировки в адресованных ему письмах, очевидно, довольно напряжёнными. Он под разными предлогами отказался назначить болгарским архиепископом двух человек, которых Борис выбрал – Формоза из Порто и Марина – и, несмотря на все свои обещания, очевидно, отдалял учреждение болгарского архиепископства. Создание славянского паннонско-моравского архиепископства, для которого был Мефодий установлен миссионерским

архиепископом (*pro fide*), должно было обеспечить то, что эта область будет подчинена непосредственно папскому престолу и не попадёт ни в франкскую, ни в византийскую сферы властных интересов. Её исключительность была дана тем, что Адриан в письме, которое дал Мефодию с собой и которое обычно цитируется по вводным словам *Слава въ вышнихъ Богу*, определённо разрешил Мефодию и его священнослужителям совершать богослужение на славянском языке и заранее предал анафеме всех, кто захотят этому противиться.

Однако в скором времени стало ясно, что замысел Адриана невозможно осуществить. Мефодий был посвящён в сан миссионного архиепископа лишь во второй половине, может быть даже в самом конце 869 г. В то время однако произошли в области, где он должен был работать, значительные политические изменения. После нескольких предыдущих небольших столкновений направил Людовик Немецкий в августе 869 г. два своих сына с большим военными отрядами против обоих моравских князей и они их территорию разорили и разграбили. Ослабленный Ростислав хотя и остался у власти, но его племянник Святополк, «заботящийся лишь о своей выгоде», как заметил франкский летописец, начал тайно вести переговоры с сыном Людовика Карломаном и в мае 870 г. коварно взял в плен Ростислава и выдал его франкам, которые потом завладели всей Моравией. Благодаря этому могли баварские епископы пленить также Мефодия и на основе судебного процесса в присутствии франкского короля в октябре того же года они посадили его в тюрьму в каком-то монастыре. Коцелу, потерявшему поддержку своего моравского союзника, пришлось после взятия в плен Мефодия отказаться от всяких усилий достичь независимости от зальцбургского епископа. Попытка Адриана создать славянское паннонско-моравское архиепископство, таким образом, потерпела крах, а папа римский, узнав примерно в то же время, что болгарский правитель на основе очевидно заранее согласованного постановления восьмого экуменического церковного собора решил вновь подчинить

болгарскую церковь константинопольскому патриархату, от него полностью отказался.

Этот план, однако, возобновил и решительно начал осуществлять его преемник Иоанн VIII. Он вскоре после своего вступления на престол в декабре 872 г. в своём письме настоятельно предостерегал болгарского короля от вероломности греков и требовал, чтобы он вновь подчинился Риму. В то же время в письме, адресованном хорватскому герцогу Домагою, он возмущается, что патриарх Игнатий обманным путём направил в Болгарию греческого архиепископа, хотя эта страна по праву принадлежит к римской церкви. Оба эти его протеста остались без результата, зато он добился успеха в деле Мефодия. Мы не знаем, когда известие о заключении Мефодия дошло до Рима. Один из посланцев, с которыми он сам попытался подать о себе весть, некий монах Лазарь, был даже убит. Но о его судьбе, всё же, как-то узнали. Тогда как Адриан II уже ничего не предпринял, Иоанн VIII начал энергично действовать, особенно когда в Рим дошло требование освободить Мефодия также из Моравии, откуда к тому времени выгнали франков и Святополк опять взял власть в свои руки.

Весной 873 г. отправил Иоанн VIII своего легата Павла Анконского к королю Людовику Немецкому и его сыну Карломану с настоятельным требованием отпустить Мефодия и направить его в Моравию к Святополку в сопровождении легата. В адресованных им письмах также настоятельно отстаивал права апостольского престола на управление паннонским архиепископством и отвергнул требования баварских епископов, предъявляемые ими на основе миссионных успехов. Еще более резко он формулировал письма баварским епископам, которым он угрожал анафемой, если они не отпустят Мефодия в Моравию. С Павлом Анконским он передал также письмо Мефодию, в котором он подтвердил его назначение паннонским миссионным архиепископом, но, в то же время, запретил ему совершать богослужения на славянском языке. Это письмо, к сожалению, не сохранилось, поэтому мы не знаем, шла ли речь о

строгом запрете или лишь о рекомендации не продолжать своё дело. Не ясно также, что именно привело нового Папу к такому запрету; можно лишь догадываться, что это была с его стороны скорее прагматическая уступка франкским священнослужителям, посредством которой он хотел смягчить их возмущение тем, что они лишились своей миссионной территории, которую им пришлось уступить Мефодию.

Иоанн VIII в 873 г. всё ещё настаивал на концепции паннонского архиепископства, несмотря на то, что оно существовало уже лишь теоретически; князь Коцел должен был после 870 г. и впредь признавать суверенитет восточнофранкского короля и вскоре после 874 г. он вообще исчезает с исторической сцены. Если, однако, папа римский добился успеха при отстаивании своих притязаний хотя бы в Моравии, где Святополк сумел устоять как суверенный правитель, то его длительное усилие подчинить Болгарию своей церковной юрисдикции оказалось безрезультатным. Он многократно, в письмах, посланных и императору Василию, и патриарху Игнатию, добивался своих прав, но всё безуспешно. Своё усилие он возобновил после смерти Игнатия, когда на патриарший престол вернулся Фотий. В целом ряде писем, посланных летом и в Болгарию, и хорватскому герцогу Бранимиру, далматинским епископам и священнослужителям, и, в особенности, только что установленному в городе Нин епископу Феодосию, он вновь выдвигает притязания римского престола на эти области, а Константинополю обещает признание Фотия, обусловленное, однако, отзыванием греческих епископов из Болгарии и возвращение ее под римское управление. Характерно то, что ни в одном из писем не упоминается славянская письменность и использование славянского языка в литургии. Не только епископы, но и простые священнослужители, которых и Фотий, и Игнатий направляли в Болгарию, были греки и греческий язык был языком церкви.

Напротив, в Моравии Мефодий и его славянские ученики продолжали совершать, вопреки папскому запрету, богослужение на славянском языке. Трудно сказать, что им руководило – то, что он считал это нерушимым заветом своего святого брата, или он ощущал потребность отличиться таким образом в глазах моравян от франкских священнослужителей, которые были в течение моравского восстания против франкской оккупации выгнаны из страны, но после заключения мирного договора между Святополком и Людовиком Немецким могли опять вернуться в Моравию. В то время как славянская сторона в моравской церкви была очень популярной среди широких слоёв населения, латинских священнослужителей поддерживали князь и многие его вельможи, которые хотели как можно больше своими нравами и положением приблизиться своим восточнофранкским соседям. Те воспользовались ситуацией после повторного возведения Фотия на патриарший престол, когда в спорах между Константинополем и Римом более остро встал вопрос добавления *filioque* в Символ веры, и обвинили перед папой римским Мефодия в том, что он учит не так, как римская церковь, а также, что он вопреки папскому запрету совершает богослужения на славянском языке.

Это, несомненно, вызвало у Иоанна VIII, который в то время очень решительно возобновил борьбу за признание римской церковной юрисдикции над Иллириком, серьёзные опасения, что у него в тылу, на север от Дуная, возникает византийская оппозиция, и поэтому велел Мефодию явиться в Рим и объяснить там свою деятельность. Мефодий послушался и в Риме не только сумел блестяще доказать свою правоверность, но также убедил папу римского в обоснованности разрешения, данного ему Адрианом II в булле *Слава въ вышнихъ Богу*, служить литургию и другие церковные службы на славянском языке. Он добился этого, несомненно, прежде всего потому, что убедил папу римского, что он сохраняет преданность римскому престолу и что моравское архиепископство под его

руководством останется составной частью западного патриархата. Папа римский, убеждённый таким образом, что с этой стороны не грозит опасность, охотно подтвердил все правомочия Мефодия как моравского архиепископа и торжественно разрешил служить литургию на славянском языке во всём его архиепископстве.

В Константинополе в то время состоялся церковный собор, который восточная церковь позже считала 8-ым экуменическим, который должен был подтвердить Фотия в сане патриарха и устранить причины разногласий с Римом. Переговоры были трудными, обе стороны, однако, пошли навстречу друг другу и наконец достигли компромисса также в деле Болгарии. Фотий согласился с тем, что константинопольский патриархат прекратит притязания на церковную юрисдикцию над ней, а Иоанн VIII согласился с тем, что в Болгарии смогут остаться греческие епископы, а также священники и их местные ученики, которые уже были посвящены в сан. Оба высших церковных представителя, однако, очевидно не принимали в расчёт того, о ком шла речь прежде всего – болгарского правителя. Борис-Михаил был, очевидно, уже утомлён, а может быть, даже разочарован постоянными спорами о церковном господстве над его страной. Он не терял воли к достижению её полной независимости также в этом отношении. Неожиданное наследие культурной деятельности моравского архиепископа оказало ему огромную помощь при осуществлении его намерения.

В 882 или в 883 г. Мефодий направился в Константинополь - двадцать лет спустя после того, как его вместе с братом покинули. Мы не знаем, как он туда добирался – опять через Венецию и далее по морю или по суше, а потом через Болгарию. Предположения, что он мог по пути встретиться с Борисом, остаются в сфере спекуляций. Независимо от того, как это произошло, кажется очень правдоподобным, что известия о использовании славянского языка в моравской церкви в последние годы жизни Мефодия как-то дошли до Болгарии и нашли там широкий отклик. Борис очевидно понял

огромное значение такой деятельности и то, насколько обширными могут быть её последствия. По этой причине он охотно принял учеников Мефодия, выгнанных после его смерти из страны моравским князем, преследующим лишь свои ближайшие цели, и предоставил им средства для их дальнейшей деятельности при своём дворе, а также в отдалённой, до сих пор почти не окрещённой западной части своей империи. Здесь, в Шумене, в сердце бывшей империи царя Симеона, я не буду говорить о том, какого размаха достигло культурное наследие кирилло-мефодиевской миссии благодаря его великодушной поддержке. Благодаря переводам на церковнославянский язык могли болгары принимать греческую литературу и просвещённость без опасности, что они подвергнутся языковой, а потом и этнической эллинизации, как это случилось со славянами в Греции. Церковнославянский язык стал одним из средств построения структуры самостоятельной болгарской церковной организации, которое завершилось созданием болгарского патриархата. Оттуда потом распространялись церковнославянская письменность и литургия в другие славянские страны, прежде всего в Киевскую Русь, и стали, таким образом, средством образования той полосы в политическом смысле самостоятельных, но в культурном и духовном связанных с Византией стран, которую Дмитрий Оболенский несколько анахронично, но очень метко назвал «The Byzantine Commonwealth». Сбылись, таким образом, пророческие слова Константина Философа, которые он вставил в письмо князя Ростислава, но в которых в действительности имелась в виду его собственная культурная программа: «... чтобы также другие страны, увидев это, нам подражали». Распространялась она, однако, не из Моравии, которая уже продолжала развиваться в сфере латинской цивилизации, а из Болгарии.